

С тех пор тихим стал, опрятным и к спиртному — ни-ни.
Вот такая история случилась у меня с соседом.

Посидели, помолчали.

— Ладно, крёстная, пойдём мы, а то Семён искать начнёт. опередить его надо.

— В субботу-то придёшь?

— Приду, обязательно приду.

2009

Партизан

Сентябрь девяносто второго стоит тёплый и сухой. Погода манит из дома на реку или озеро. Но... охотники сидят в городе и только по вечерам собираются в гаражах травить душу рассказами — как раньше было много всякой пернатой дичи и в путёвках писали срок окончания сезона: «до отлёта».

Лысуху-то раньше и за дичь не считали — на каждой болотинке, на каждой озерушке и в селе, и в городе её выводки, попискивая, гонялись в траве за насекомыми. А теперь? Любой охотник был бы рад добыть её. Но лысухи нет, пропала. Уже лет десять не видим. Одни говорят, что китайцы в местах её зимовальных скоплений уничтожили и продали нам же в консервированном виде. Другие уверяют, что какие-то химикаты эту бедную болотную курочку заморили. Третьи относят это на перенаселение.... Как бы то ни было, но однажды весной лысуха не вернулась в наши края.

В данный момент местная утка частью выбита, частью ушла на дальние реки, а северная, ходовая, ещё не идёт. Скучны и пустынно сейчас озёра. Вот тут бы и оживила их лысуха. Но, как говорится, на нет и спроса нет. Сидим в городе и ждём, когда пойдёт северная, ходовая утка.

Вчера вечером позвонил мне из Семёновки Владимир Григорьевич, давнишний приятель, обрадовал сообщением: пошла северная. Наконец-то!

Много километров вместе мы прошагали по тайге, много кабанов и косуль добыли в этих нелёгких походах. Есть что вспомнить. Поэтому с большим удовольствием поеду к нему на охоту.

После обеда в пятницу моя «Нива» лихо пронеслась вдоль улиц береговых амурских деревень, с разгона преодолевая перевалы сопки.

Семёновка стоит в шестидесяти километрах от города вверх по Амуру. Но кто считает эти километры, если впереди ждёт хорошая охота.

Вот она, Семёновка-красавица!

Деревня тихо и мирно расположилась на острове, окружённая со всех сторон водой и сопками. Три основные улицы идут вдоль Амура. Посредине деревни, словно гвоздь, приколовший в таком порядке дома, стоит погранич-

ная наблюдательная вышка. Дома разнокалиберные: есть одно-, двух- и трёхэтажные. Стоят они плотно, поскольку на юг разбредаться не даёт Амур с множеством рядов колючей проволоки — граница. С трёх оставшихся сторон Семёновка — в голубом ожерелье озёр и болот, появившихся на месте бывшей большой протоки. Меж этих озёр и болот не всякий местный житель найдёт проход. Густо и высоко на пlyingунах и зыбунах растёт камыш.

Ограничивают пространство, выбранное когда-то казаками для поселения, сопки. Они сейчас цветным ковром обняли Семёновку.

Ярко горит жёлтый лист берёз и монгольского дуба, тёмными зелёными пятнами разбивает этот жар сосновый подрост. То тут, то там серебром просвечивает уже уронивший листву осинник. Бурой каймой у подножия сопки сдерживает это цветное буйство низкорослый орешник.

Ближе к деревне в переливчатых золотисто-палевых волнах камышовой шубы редкими пятнами «плавают» ещё не пожелтевший карагач да тёмнеют квадраты убранных огородов.

В замечательном месте основали казаки станицу. Знали, что на века присоединяют земли дальневосточные к матушке России. Наверное, плоты свои они причалили сюда осенью. Вот в такое же красивое время. Крепко пустили здесь корни их потомки.

Спускаюсь с перевала к мосту через протоку, и вот, за поворотом, обнимает своими дворами Семёновка. Подкатываю к воротам добротной усадьбы.

Хозяин поджидает возле крыльца. Одет по-походному: клетчатая байковая рубашка, поверх неё брезентовая куртка с капюшоном, брюки из палаточного полотна заправлены в болотники, на голове выдавшая виды шляпа. Сам кряжистый, ворот нараспашку. От него веет здоровьем и силой. Про таких говорят: «мужичок, ломом подпоясанный». Этот может и ломом подпоясаться. Возле ног вертится чёрно-белый спаниель, на лавочке у палисадника лежит ружьё в чехле и резиновая лодка. Тут же стоит объёмистый рюкзак.

Здороваясь, крепко жмёт руку. Обветренное его лицо украшают голубые плутовато-весёлые глаза и улыбка с блеском крепких зубов.

— Может, в избу пойдём, борщеца покушаешь? Хозяйка-то на огороде убирается, — как бы извиняясь, говорит Владимир Григорьевич.

— Знаю, что твоя Галина готовит отменный борщ, но перед дорогой я хорошо подкрепился. Душа простора просит.

— А это в машине у тебя Гектор мечется? Выпускай. Пусть побегает, разомнётся, познакомится с моей Мухой. Чай не подерутся.

Сборы были недолги. Через каких-нибудь полчаса мы покинули деревню.

После полугодовой разлуки — с зимней охоты — хотелось о многом расспросить, о многом поговорить. Но все разговоры откладываются на вечер.

Затаборились на хорошем месте, на бугре возле берёзовой рощицы, клином сбегающей с пологой сопки. Впереди, в ста метрах, небольшое озеро, за ним далее второе. Ещё дальше, соединяясь узким каналом со вторым, раскину-

лось большое третье, впитавшее в себя небесную синь. Над озёрами с криками летают тёмные крачки и гости с Амура — белые чайки.

Что зорька алая нам готовит?

Накачиваем лодки и спешим укрыться в камышах, чтобы не опоздать к вечернему лёту.

Надежды оправдались: после удачных выстрелов Гектор достал из воды три чернети и одну свиязь. Утка северная.

Осенняя ночь медленно наплывает на окрестности Семёновки. Восточные очертания сопки уже сливаются с небом, западный окоём темнеет размытой чертой, указывая, где скрылось солнце. Над долиной пронёсся свежий ветерок и затих, устроившись на ночлег в камышовых зарослях. Со стороны Амура на озёра явился туман. Медленно обходя деревню, он густо укрывал почти неразличимые очертания дороги, озёр и деревьев. Под тяжестью оседавших капель влаги склоняются к земле трава, листва и камыш. Капли, иногда вместе с листвой, скатываются с разной высоты в воду. Тонкое ухо услышит в этом колыбельную песнь осени.

Загораются звёзды. И чем темнее становится небо, тем крупнее и ближе кажутся небожители. Луны ещё нет, но её свечение уже присутствует и делает реальные предметы немного странными. Туман как бы подсвечивается изнутри. Звуки деревни тонут в тумане. Смолк шум моторов, грай ворон, устроившихся на ночлег в высоких тополях, перестали греметь выстрелы.

Похолодало. Пропал комар. Благодать.

Охотники, добросовестно отсидевшие зорьку, онемевшими от долгого сидения ногами неуверенно ступают на тонущие под их весом берега. Вытаскивают на сухое место лодки, переворачивают их и медленно тянутся к таборам. Охотников не видно, только их головы и плечи иногда плывут над туманным одеялом. Впереди лапотят собаки.

То тут, то там загораются костры. Пора и мне ладить огонь.

Подошёл Владимир Григорьевич, принёс большую сумку с карасями, ротанами и гольянами.

— Стоят тут у меня мордуши, — объяснил он появление рыбы. — К ужину помехой не будут.

Туман подошёл к нашему лагерю. Нужно надеть тёплые куртки.

— Скажи, Владимир Григорьевич, справа от нас не проходила машина, не проезжал мотоцикл, да и озёр в той стороне вроде бы не видно. Но кто-то там стрелял, — похоже, из одностволки.

— Это Партизан. Озерцо, на котором он обосновался, не сразу увидишь, да и на карте-километровке его нет. Только с сопки и можно разглядеть. Подъехать к нему нельзя, и подходы — сплошные зыбуны. Идёшь, как по пузу. Невесёлое место. Только Партизан там и охотится. Один. И живёт там же, в землянке, за что и прозвище получил «Партизан».

Он всегда один. И живёт в одиночестве, хоть и имеет большую семью. И всегда работал без помощников, — впрочем, нет: одно время, когда был заведующим свинофермой, там у него имелся зам. А сейчас «с катушек съехал». Запил. Лютики-цветочки.

Владимир Григорьевич, считая, что достаточно охарактеризовал человека, замолчал. Но меня почему-то заинтересовал этот Партизан. Человек-одиночка, что не характерно для охотника.

— Вообще-то его зовут Савелий Яковлевич Васильев. Года на два он меня младше. Я с тридцать шестого, а он — с тридцать восьмого.

Семья у его отца, Якова Иваныча, была большая — одних девок человек шесть, а Савушка последний. Мелким и болезненным ребёнком был. И, как водится, самым любимым — единственный наследник. Все в нём души не чаяли. Он и рос-то на одной любви родительской.

Помню, играет где-нибудь в огороде — на улице с ребятами не бегал (боялись, что его обидят) — да и уснёт между грядок или под кустом. Вечер, а Савушки нет. Яков Иваныч всех на ноги подымет, всю семью, родню и соседей на розыски. Если с Савушкой что случилось — первым доставалось девкам-сёстрам, за то что недоглядели.

В школу пошёл — трагедия для сестёр — чуть ли не каждый день разыскивали. Уйдёт в поле, спрячется в канавку или овраг и смотрит, как цветы растут, какие букашки и козявочки там проживают. Учился, как и большинство, не плохо и не хорошо. Но о любом цветочке, былинке или травке мог рассказывать часами. И откуда это у него?

Война. Не вернулся с фронта Яков Иваныч, сложил голову где-то в Западной Белоруссии. Жене его пришлось одной детей подымать. Старших дочерей в работу — не до учёбы, а Савушка семь классов окончил. Да. Все думали, что на агронома пойдёт учиться, а он взял да и раздул горн в кузнице.

В этой кузнице, считай, как в первый год войны забрали коваля Илюху на фронт, так и дверь не открывалась. А Савушка раздул горн, раздул....

Здоровья был не богатырского, а ничего — справлялся. Как я раньше говорил, не любил он работать с напарниками. Всё в одиночку. Правда, быстро ничего не делал. Прибежит к нему председатель или, скажем, бригадир, срочно надо отковать ножи для плуга или клецы на борону. А он и ответит, что если быстро, то это не к нему. Приходите, мол, тогда-то и тогда-то. Но делал всё добротнo.

Да что говорить? Далеко ходить не надо... На днях сломал я рожок на вилах, которыми копал картошку. И вилы-то уже своё отслужили — им сто лет в обед — можно и на свалку, но привык я к ним, жалко расстаться. Пошёл к Савелию. Теперь он нигде не работает, да и где работать — всё развалено: и колхоз, и мехмастерские. Соорудил он у себя во дворе что-то наподобие слесарки или кузни. И небольшой горн имеется, и наковаленка, и сварочный бытовой аппаратик есть, и другой инструмент под рукой.

Так вот, принёс я ему вилы. Через три дня обещал сделать. Сам принёс. Отдаёт, а я не пойму: мои ли эти вилы или новые, из магазина? — даже покрасил шаровой краской. Лютики-цветочки.

Владимир Григорьевич подбросил в костёр дров, вытащил из багажника машины треногу с крючком для котла, потом сел и продолжил:

— За такую работу его очень уважали. Называть начали не иначе, как Савелий Яковлевич. Была ещё особенность у него: много газет выписывал.

Теперь-то ни одной ему не носят. Если появлялась свободная минута, в кузне ли, в мастерских ли, когда там токарем работал, — всегда читал газеты.

Потом появилась в колхозе нужда в заведующем свинофермой. Выбор пал на Савелия Яковлевича. Уговорили. Ну а коль ты заведующий — значит, начальник, а коли начальник, нужно быть партийным. Я тоже много лет носил партбилет — заведовал третьим отделением. Это соседнее село. Так вот, сколько мы ни встречались на партсобраниях, я не помню, чтобы Савелий выступал по каким-нибудь вопросам. И если обращались непосредственно к нему, он встанет медленно так, будто его разбудили. Говорит: обсуждать тут нечего, без нас всё решено. А если решено, то нам остаётся делать всё в свете решений.

Справлялся он, и неплохо, с обязанностями завфермой, но потом, когда на эту должность прислали молодого специалиста, ушёл опять в кузнецы. Лютики-цветочки.

Теперь-то ни кузницы, ни колхоза, ни мехмастерских...

И эту разруху Савелий, как и все, пережил бы. А тут — обвал!

Да, забыл я тебе рассказать о его семье, а без этого как же. В семье человеку и поддержка, и радость.

Женился Савелий, когда срок подошёл. Да на такой красавице — первая невеста в деревне. Да что там в деревне — во всей округе такой не было! Нарожали детей... И что интересно: как и у его родителей, на свет появлялись только девочки. Но добился своего Савелий, родила ему жена-красавица сына, поскрёбыша.

Петром назвали. Парень вышел не в васильевскую породу — рослый, здоровый. Но воспитали баловнем. По дому, по хозяйству всю работу делали сёстры, а лакомый кусочек, гостинец какой — Петруше. Вырос. До армии шофёр-рил. На будущий год, весной, этот Петя должен отслужить срочную.

Так вот. Этот самый обвал, будь он неладен, выявил, что у Савелия на сберкнижке было отложено целых двадцать восемь тысяч! Это ж надо, какие деньжищи! Три машины можно было купить. Ладно, чужие деньги считать мы не будем — неблагородное занятие. Тут важно другое — об этом капитале не знала даже его жена!

Старших дочерей они, можно сказать, за ворота выпихнули ни с чем.

Первая поступила в университет — умницей выросла девочка. В городе не только училась, но сразу же устроилась там уборщицей и на каждые выходные тащила сумки с продуктами в семью. Вторую тоже, можно сказать, вытолкали за порог. Дали десятку на первое время, а дальше живи, как сможешь. И так избавились они от дочерей. Младшая, правда, ещё с ними живёт.

И вот — обвал! Пропало всё!

Запил Савелий Яковлевич. На пробку наступил.

«Под градусом» у жены и дочерей прощения просит. Мол, копил я для Петруши. Думал, придёт из армии — машину ему, одену-обую. Согласится жить в деревне — дом его, свадьбу сыграем. Захочет жить в городе — квартиру какую-никакую купим. Всё для него. А вы, дочки, простите, вы все устроились.

Вот такой, брат, конфуз получился. Лютики-цветочки. С горя Савелий, похоже, рассудком тронулся. Дома появляется редко, больше пропадает на болоте. Попервости спьяну грозился в Москву поехать, Ельцина с Гайдаром и Чубайсом застрелить. Теперь молчит...

Рассказывая это, Владимир Григорьевич чистил рыбу, подбрасывал в костёр дрова.

Взошла луна. Она не была полной, но света хватало, чтобы разглядеть вдали железные крыши Семёновки, чтобы поставить стол, разложить на нём съестные припасы и не спотыкаться о стульчики и канистры.

Через полчаса у нас чесались носы, и аромат наваристой ухи и жареных карасей требовал занять места за столом.

Вдруг собаки, до этого мирно спавшие, свернувшись калачиками у орехового куста, залаяли и кинулись в сторону озера.

— Свои, свои! — слышался негромкий голос.

Из тумана, словно дядька Черномор из воды, выходил человек. Сначала показалась блестящая голова, потом плечи, потом полфигуры — и вот он в полный рост предстал. Среднего роста, средней упитанности и с давно небритым, заросшим седой щетиной лицом. На голове кожаная кепка, отражавшая лунный свет и казавшаяся серебряной. Фигура облачена в длинный брезентовый плащ.

— Всем доброго здоровьица, — в поклоне сняв кепку, сказал «Черномор». — Савелием Яковлевичем меня кличут, — представился он, подавая мне руку. — А я слышу, на озере рядом стреляют, потом костёр... Думаю, дай схожу, посмотрю: кто нынче в соседях у меня?

От него явно пахло спиртным.

— Вот, мы ужинать собрались, ушицы похлебать... Присаживайся с нами, Савелий Яковлевич, — предложил Владимир Григорьевич.

— Дак я... Недавно перекусил. Но если за компанию... За компанию, говорят, и поп женился, и жид удавился. Если за компанию...

Григорьевич отдал ему свой стульчик, сам сел на канистру. Положив на колени кепку, Савелий Яковлевич пригладил взъерошенные волосы, чем выразил готовность к трапезе. Он с удовольствием выпил предложенный стаканчик, но ел вяло, без аппетита, словно уха ему не нравилась. После второго круга он немного оживился и произнёс:

— Позвольте полюбопытствовать: на озёра вы надолго?

— Если завтра тумана не будет, то меня Саня к обеду отвезёт в деревню. Надо жене помочь убрать с огорода свёклу да морковь, — ответил Владимир Григорьевич. — А потом Сашок вернётся ещё на одну ночь.

— Туман ночью изморозью падёт, его утром не станет. Холодная ночь будет. А почему я спрашиваю? Может, и меня по пути прихватите? Сегодня жинка вывесила на изгородь белую наволочку — отсюда днём хорошо видно. Зачем-то зовёт. Может, кто из города приехал, может, работу кто принёс или ещё что-нибудь. Да и суббота завтра — банный день.

— Петька-то пишет? — спросил Владимир Григорьевич.

— А что ему писать? И что нам ему ответить? Ничего хорошего я ему не напишу. Единственное, что можно написать, чтобы бежал он с этой службы и

не охранял эту продажную власть. Не наша она и не для нас. Сволочи! Это ж надо, так народ обворовать?! — Савелий стукнул кулаком по кепке.

Чувствовалось, что нам сейчас придётся выслушать большой яростный монолог.

— Ладно, Яковлевич, успокойся. Придёт твой Петруша из армии, и всё устроится. Успокойся. Давай ещё по граммулке да закусим карасиками, — попытался «перевести стрелки» Владимир Григорьевич.

От «граммулки» Савелий не отказался, но карасей решительно отодвинул.

— Сегодня они обообрали меня, ограбили свой народ! Отобрали трудом нажитые деньги! А что будет завтра?! Эх... — В голосе — отчаянье. Он отвернулся от стола к костру. Мне показалось, в глазах его стоят слёзы.

— Что будет завтра — увидим. А твоя затея с убийством лидеров — пустая затея. Бредовая идея психа-одиночки. Их охраняют так, как ни одного царя не охраняли. Да и поможет ли это?

Я понял, что Владимир Григорьевич хочет продолжения разговора. Возможно, желая, чтобы Партизан высказался, излил душу и успокоился.

Савелий резко повернулся к Владимиру Григорьевичу. Долго на него смотрел.

— Нет, это не поможет. Что смеяться-то? Я не один. Теперь каждый второй пенсионер, что откладывал по копеечке на свои похороны, умрёт раньше, чем Богом намечено. А убить Ельцина — это не поможет. Тут убирать надо не личность, а, как бы это сказать, момент эпохи. Наступили смутные времена. А что сделал народ при смуте триста лет назад? Он собрался в ополчение и двинулся на Москву. А сейчас? Где Минины? Где Пожарские? Метлой, поганой метлой надо гнать засевших в Кремле и во всей Москве врагов русского народа! И всех их заграничных помощников и наставников! Всех! Под корень! Правители, мать их!.. — Лицо Партизана налилось краской, глаза лихорадочно блестели, руки тряслись. — Позволили взять власть клоунам! «Россияне, дорогие россияне!..» — а сами разворовывают Россию-матушку! Доколь? Доколь, я спрашиваю, это будет продолжаться?! — Голос перешёл на крик и оборвался.

Опять над компанией повисло долгое молчание.

— Да-а-а, — протянул Владимир Григорьевич. — Минины и Пожарские, может быть, и нашлись бы, но народ.... Разве народ пойдёт? Каждый смотрит только в свою кормушку, каждый сам за себя. Сколько лет жили в страхе, в доносительстве — это скоро не пройдёт. А насчёт объединения, как при Минине... Какое теперь к шутам объединение? Теперь пролетариев не только всех стран, но и в России не соединишь. Собрались было в Союз, а его, несмотря на волю народов, развалили в одночасье три мужика. Не иначе, как по пьянке. Не посмотрели ни на итоги референдума, ни на здравый смысл. Царьками побыть захотелось. Первыми лицами. Предали соседей, предали собственный народ.

— Вот-вот, и ты, Владимир Григорьевич, меня поддерживаешь, и ты со мной согласился.

— А как тут не согласишься, если это и слепому видно.

— В собственном народе всё дело. В униженном и оскорблённом, так сказать. У нас же кто к власти ни придёт — сразу руководитель мирового масштаба. Все боролись за мир во всём мире, а за мир в своём доме — до этого руки не доходили. На своего человека можно было и наплевать.

— Что-то ты, Савелий Яковлевич, перекинулся уже и на бывшую власть? А при ней ты жил в своём доме, а не на болоте.

— А ты, Володя, зри в корень. Ищи причину этого раздрая. Народ-то ждал перемен. Перемен к лучшему! Поверил этим проходимцам, которые обещали свободу и демократию. Демократия... Поплачет Россия от этой демократии...

— Он резко встал и, не простившись, зашагал в сторону болот. Он ещё продолжал что-то говорить, выкрикивать и махать кулаком. Но туман, надвигающийся с болот, глушил его слова и наконец поглотил всю фигуру.

Наступило тягостное молчание.

Вдалеке над рекой прорыдали улетающие с родины гуси. От озёр доносились редкие всплески — это ондатры вышли кормиться и строить хатки. Луна с дрожащими звёздами властвовала над селениями, озёрами, сопками и тайгой. Холодная ночь.

2009

Собачья память

*Потомку рода графов Урманчевых
посвящается*

Александр Михайлович с трудом открыл дверь на улицу. Упругой волной ударили ветер и снег. За ночь на крыльцо намело целый сугроб. О тропе и думать нечего, идти придётся наугад, увязая в снегу по колени.

Хотя «наугад» — это не совсем так. Михалыч уже третий десяток лет ходит этой тропой — до школы и обратно. Третий десяток он директорствует в местной школе. И путь, пролегающий по закрайкам огородов, может пройти в любую погоду, в любой час с закрытыми глазами, не ошибётся. Да и расстояние — не более пятисот метров.

Ветер мечется из стороны в сторону, вверх и вниз. Трудно определить, какую часть лица прятать от зарядов больно бьющего, колючего снега. Пригнувшись и укрывая рукой то одну, то другую щёку, он отправился в темноту.

Всегда в затруднительные моменты Михалычу на память приходят либо военные, либо революционные песни. Воспитание такое, что ли? Или действительно они поднимают дух и настроение? Вот и сейчас вдруг вспомнилась одна из таких, некогда часто звучавших по радио песен.

«Вихри враждебные веют над нами»... Почему «веют»? Воют — это будет вернее, и не «над нами», а вокруг нас. Ладно, пусть будет «над нами» — это показывает, что человек против стихии — мелкота. Так оно и есть. Как там